

СВИДЕТЕЛИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Из переписки семьи Жюльен

Приведено по:

Ландауэр Г. Письма о французской революции / Перевод с нем. с предисловием проф. И.Бороздина. М.: «Прометей». 1925. Т.1. С.199-216. Примечания - составителя и переводчика, нами даны только ссылки на материалы, рекомендуемые для более полного понимания текста.

Веб-публикация редакторов сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) 2004
Приведено к нормам современной орфографии. Комментарии принадлежат переводчику и издателям.

Мадам Жюльен, родом из Дофине, которой в начале революции было 40-45 лет, была весьма образованной дамой. Для воспитания сына она переехала в Париж и писала оттуда своему мужу, который на своей родине был избран кандидатом в депутаты законодательного собрания; впоследствии, когда сын находился в Англии и затем с политической миссией в Тулузе, а муж был членом комитета в Париже.

Источник писем: [Edouard Lockroy, Journal d'un ufl bourgeoise pendant la Revolution 1791 -1793, publie par son petit-fils.](#)

Марк-Антуан Жюльен, называемый **Жюльен из Дроммы** (18.04.1744 – 27.09.1821), литератор и политик. Был «заместителем»-депутатом Легислативы в 1791 г., действительным депутатом Национального конвента в 1792 г.

[Марк-Антуан Жюльен](#), называемый **Жюльен из Парижа** или **Жюльен-младший** (10.03.1775 – 4.04.1848), старший сын. Подборка материалов о нем на нашем сайте.

М-м Жюльен – сыну (в то время ему 16 с половиной лет)

Роман, 6 сентября 1789 г.

Ты написал мне два прелестных письма, милое дитя, и я благодарю тебя за большую радость, которую ты мне этим доставил. Все наши друзья, которые сохраняют нежное воспоминание о тебе, разделяют со мной эту радость и поручают мне передать тебе это.

Парижские неурядицы и затруднительное положение, в которое они ставят национальное собрание, могут вызвать некоторую тревогу. Я, однако, не перестаю все же предаваться самым радужным надеждам. Все то, что сулило нам величайшее зло, доставило нам, в конце концов, великие благодеяния - и я льщу себя надеждами, что и на сей раз произойдет то же самое. Наши доблестные представители, сумевшие противостоять грому и молнии деспотизма, не дадут себя запугать криками необузданной толпы, и если она даст себя увлечь на дикие эксцессы, то герой, стоящий во главе парижской гражданской обороны сумеет справиться с ними. В нашей провинции и в провинциях, через которые мне приходилось по дороге сюда проезжать, уже все успокоилось. Много, однако, сожжено домов и, что ужаснее солдатами гражданской обороны зарублено большое количество крестьян, или же передано в жертву палачу. Эти несчастные были введены в заблуждение лживыми эдиктами, которые им давали читать, и они думали, что, сжигая барские замки и акты, они исполняют волю короля. Если вообще когда-либо существовали виновные, заслуживающие снисхождения, то это были они. Но с ними расправлялись самым варварским образом. Все это весьма грустно, однако, если знаешь людей, их страсти и предрассудки, то приходится скорее печалиться, нежели удивляться.

М-м Жюльен - мужу

Пишу тебе и при этом не могу отделаться от впечатления, как будто, я тычу шашкой в воздух. Я не знаю, где ты, и не знаю, где тебя искать. Но я должна писать тебе, чтобы облегчить свое сердце от забот. Я должна сказать тебе несколько теплых слов, чтобы улучшить свое состояние и не задохнуться совершенно от отсутствия возможности говорить. Если ты быть может, вечером сегодня находишься в Пизансоне, тогда, милый мой, я обнимаю тебя там от всего сердца; верь моей старой, сильной дружбе, которая там началась и нигде не кончится. Я осыпаю тебя во имя детей и меня выражениями нежности и прошу тебя, вернись на крыльях ветра обратно: мы, как тело без души, если тебя нет...

...О, пришлось пережить странные приключения. В Г., куда они бежали к г. де Монтележьену, они подверглись осаде крестьян, которые сильно подозревали, что этот замок является гнездом аристократов. Доблестный барон обратился к нашему общинному управлению и потребовал, чтобы оно отдало соответствующие приказания своим войскам. Когда г.Ф. отклонил это предложение, ему пригрозили, что его укоротят на одну голову, а наш молодец ответил, что лучше даст себя разрубить на куски, чем подпишет приказ, противоречащий декретам национального собрания и священным человеческим чувствам; что необходимо действовать без оружия и попытаться образумить крестьян. Другие же общинные управления подписали приказ и, таким образом, войска выступили; все, однако, сошло благополучно. Не было пролито ни капли крови, не было даже холостого выстрела. Обе стороны отделались страхом, и г.О. со своей женой спокойно и безопасно были препровождены в Роман.

Канонир де В., не пожелавший стрелять в народ, был уволен в отставку и проезжал через Роман. Товарищи провожали его до этого места торжественным шествием с музыкой. Войска предместья встретили его с величайшими почестями. Он проходил увенчанный лаврами через город; был устроен в честь него банкет. Члены общинного управления с Ф. во главе пожертвовали 50 бутылок прекрасного вина, чтобы пить вместе с войсками и их угощать. Они чокались с канониром и прочими молодцами. Одним словом, это патриотическое празднество, происходившее во дворе, было так прекрасно и трогательно, что от радости и удовольствия плакали все женщины. Канонир в сопровождении войска вернулся обратно в ратушу, где его ожидали такие же почести. С таким же почетом и в таком же окружении он направляется к своему месту назначения. Хороший урок для солдат, отказывающихся проливать кровь своих сограждан...

Затем была прочтена (в сенате) *слащавая* прокламация за подписью Людовика, в которой, между прочим, постановлялось, что национальную кокарду надлежит носить и уважать на всем пространстве его великого государства. В воскресенье утром наш добрый король проехал верхом на красивом коне, почти без свиты, от Тюильри до Марсова поля, чтобы пропустить мимо себя солдат-граждан. Он говорил комплименты г.Лафайету, велел передать войскам наилучшие пожелания: он был весел и доволен, как король. Народ был будто пьян; крика в честь короля исходили от чистого сердца. Раскроем историю Англии; постараемся проникнуть в душу человека, мы имеем тогда широкое поле для размышлений

Париж, 1790 г.

Критический обзор по поводу поднесения адреса королю, который должен был исходить от солдат-граждан провинции Дофине, охарактеризованный м-м Жюльен как презренное деяние «бывшего псевдо-барона де Жилье».

...Но честные и истинные патриоты в Романе говорят то, что повторяла повсюду стоустая молва, что именно тот благосклонный прием, который был оказан этому адресу, является доказательством его фальши и ничтожества; что цель его заключается в том, чтобы вовлечь короля в роковую ошибку, и что он может вызвать ужасные расколы среди честных граждан.

Другой инцидент: г.Мерсье, журналист, литератор, патриот, прекрасный писатель, твердый в своих прекрасных принципах, имел смелость раскритиковать это аристократическое и художественное творение барона, в ответ на это тот напечатал столько жалоб, что вся пресса чуть ли не трещала. Без сомнения, он забыл, что храбрые и благородные парижане снесли ужасные башни Бастилии, которые так часто служили могилой для невинных, несчастных граждан, а ведь преступление их зачастую было не больше, чем то неуважение, в котором провинился г.Мерсье

Господину барону следовало бы знать, однако, что великого распределителя королевских грамот на арест больше не существует, и что вместо него мы имеем достойного уважения генерального прокурора фонаря.

Этот генеральный прокурор фонаря пользуется повсюду прекраснейшей репутацией. Его зовут Камил Демулен; название его газеты Революция Франции и Брабанта, специальность его - эпиграмма

Он рассыпает полными руками аттическую соль, а индивидуальность его так же нова, как и оригинальна. Это французское веселье в соединении с римской стойкостью

Письмо мое не настолько существенно, чтобы найти себе место в газете (Бриссо де Варвиля), но сделай, пожалуйста, из него патриотическую статейку, которая способствовала бы поднятию духа и смелости честных граждан Романа.

Жюльен-старший - своему сыну.

9 мая 1791 г.

Ты написал мне прелестное письмо, милый мальчик, и твой отец считает своим долгом поблагодарить тебя за удовольствие и честь, которое ты оказал ему. Я прочту письмо всем своим друзьям, и они, растроганные, поздравляли меня со счастьем иметь такого сына, как ты. Мой милый друг, в то время как столько испорченных детей питают свое тщеславие заслугами своих предков, я прекрасно сознавая что я, как отец, не принес пользы сыну, - могу гордиться только заслугами своего сына. Не о твоём стиле хочу я говорить, который, впрочем, в общем, чист, благороден и возвышен, как и твоя душа, а о твоих чувствах, о твоей патриотической решимости, прежде всего о той теплоте, которую ты выказываешь в защите справедливости и в дружбе.

Твоя мать и ты должны помнить, как я тысячу раз уже говорил, что взаимная ненависть между Лафайетом и якобинцами должна в конце концов привести к ужасному взрыву. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что этот момент теперь наступил, но я больше удивляюсь тому, что он вставит себя так долго ждать. Самый кризис, созданный в столице из-за расколов в парижской армии, быть может, не окончится так скоро, и пока генеральный штаб наших шестидесяти батальонов не изменится в своем составе при посредничестве свободных выборов коммуны, вы каждый день должны быть готовы к новому несчастью. Когда я читал нашим друзьям твое письмо, мне стоило больших трудов успокоить их все нарастающее по мере моего чтения, беспокойство. «Успокойтесь, - говорил я им, - несмотря на всю видимость, неправда, что большинство солдат принесло эту гнусную присягу, которая заставляет содрогаться всякого друга свободы. Лафайет лично в этом не принимал участия.» Я не сомневаюсь, что оппоненты будут побеждены, но я опасюсь, что победа обойдется слишком дорого, и что по Парижу вскоре потекут потоки крови. Quod omen deus avertat! Другим опасением, более серьезным и не покидавшим меня никогда с самого начала революции, было то, что короли, окружающие Францию, могут заключить союз для подавления нашей расцветающей свободы и приостановить заранее действия того, что они называют «французской болезнью». Конечно, они не будут иметь успеха, но они навлекут на нас много горя. Будь здоров, мой милый, милый мальчик.

Я бросаюсь к ногам Вашей прекрасной матери и обнимаю ее. О милые дети! Передайте ей привет от меня, и возблагодарим небо за, то что оно дало Вам нежнейшую мать, а мне - добродетельнейшую, умнейшую и любезнейшую супругу.

М-м Жюльен - сыну

Париж, вторник, 2 августа 1791 г.

Я очень жалела тебя, что ты должен был провести время с противной кучкой аристократов [мать употребляет в отношении аристократического общества, в среде которого мальчик проводил вакации, слово *vilain*, каковым французский язык до революции обозначал простонародье, в первую очередь крепостных].

. Но глава о превратностях в книге человеческой жизни самая длинная, чаще всего встречающаяся; в ней сто тысяч страниц; к этому надо привыкнуть и вооружиться щитом терпения, чтобы никогда больше не выпускать его из рук. Я знаю людей, которые умеют использовать его только против великанов и которые дают себя укротить карликам, т.е. что они при всех своих способностях и силе противостоять тяжким превратностям судьбы, падают духом при самых незначительных испытаниях. Я рекомендую твоей наблюдательной философии разрешение этой проблемы: ибо я не понимаю, как мужчина, которого не может пошатнуть большой камень, спотыкается о соломинку...

Изо всех бесед, которые мне приходилось вести, следует, что общественное настроение полно надежд и веры, что мы благополучно войдем в гавань. Что касается коалиции государств, то «parturiunt montes, nascetur ridiculus nus» [«родами мучались горы, родился же жалкий мышонок»]. Такая манера рассматривать вещи, обеспечивает всеобщее спокойствие. Событие (мы находимся накануне его) покажет, кто лучше предвидел конечный итог «дальновидные» или «доверяющие» [«clairvoyants» и «confiants» - по тогдашней манере говорить были техническими выражениями для двух партий в обществе]. Я, со своей стороны, слепо веря в провидение революции, ожидаю с твердой уверенностью новое и последнее чудо, которое принесет нам спасение. Милый, добрый друг, спокон веков волки пожирали овец: неужели на сей раз овцы пожрут волков? Итак? мы имеем маленький переворот в природе, каковой происходит только в период ужаснейших кризисов. Еще раз повторяю я, необходимо чудо...

М-м Жюльен - сыну

Четверг, 11 августа 1791 г.

Я писала вчера твоему отцу, сообщала ему о своих приключениях во время моего путешествия и свои наблюдения над общественным мнением, полным мудрой и кроткой умеренности, которое господствует в покинутом мной каштане. Там все преклоняются перед конституцией, восхищаются национальным собранием. Считают, что корабль уже в надежной гавани; внешних врагов мало боятся; над внутренними подсмеиваются; одним словом, жизнь течет спокойно и омрачается только незначительным недостатком денег, который тормозит все; но при этом добавляют, что таким образом им также мало удастся нас задушить, как и голодом, который они создали, чтобы нас сломить. Наша выдержка и смелость сумеют побороть все. Любовь к конституции окрыляет все сердце, даже до известной степени геройства. В этом отношении общественный дух достиг зрелости и цельности. И затем, уважение к закону приобрело такую силу, что правильно ли, неправильно ли, но закону желают подчиниться. Слышится только одно слово: «закон, закон». Если бы закон мог существовать без власти, как говорит мой друг Жан-Жак, приемлющий лекарство без лекаря, то лам предстояло бы царство Астрея; но люди портят все из-за недостатка такта. «Хорошо все то, что исходит из рук природы»; все портится в руках человека. Закон в принципе своем хорош; но управление часто никуда не годится.

Милый мой, если бы наша Фемида презирала богатство и, как говорит евангелие, не имела бы двух мерок, то в таком случае, она снискала бы себе всеобщее доверие и заставила бы всех преклоняться перед ней. Надеюсь, что новый режим создаст добродетели; это привело меня к обоготворению революции. Ты знаешь, я не мало теряю из-за нее; здоровье мое и спокойствие, не говоря уже о счастье, вследствие вечного отсутствия твоего отца, сильно пострадали.

Я должна была отказаться от чтения многих произведений, так как в противном случае я лишилась бы мужества. Неотъемлемым свойством природы прекрасной души является то, что она любит определенные вещи, которые для других слишком возвышенны. Необходимо спуститься до общего уровня и понять, что лучшее - враг хорошего. Я, по-видимому, поправилась от моей римской лихорадки, которая, впрочем, из-за страха перед гражданской войной, никогда не доводила меня до республиканства. Вместе со всякого рода животными я заключаю себя в священный ковчег конституции и с нетерпением жду, когда из него будет выпущен голубь, который принесет нам масличную ветвь...

Я должна сказать тебе: люди в провинции рассматривают революцию, как в опере зрители, сидящие в ложах против сцены. Иллюзия совершенна. Мы же, парижане, занимаем место, дающее нам возможность видеть, что творится за кулисами. Мы видим, как актеры меняют роли и костюмы; мы видим те нити, при помощи которых божество поднимается на Олимп, савойяра, который вертит катушкой, обернутой серебряной бумагой, создавая иллюзию прозрачных вод и т.д. и т.д. Будь здоров, мой милый.

Я не буду удивлена, если мне придется вскоре Вам сообщить, что наш король уезжает, что он уже уехал и т.д., и т.д., и что караул, стоящий у ворот Лувра, ничего не замечает.

Сегодня меня уверяли, что Сантерр должен был бежать. Члены клуба кордельеров подвергаются преследованию. Уже с воскресенья красное знамя заменено белым. Я, Ваш друг, Ваша мать, самая нежная жена, все мои чувства принадлежат вам - поделите их сами.

Ландауэр Г. Письма о французской революции
М-м Жюльен - мужу
Vive Liberta и Век Просвещения 2004

Воскресенье, 14 августа 1791 г.

...Так как ты со своими рысьими глазами проникаешь в книгу судьбы и одним взглядом ^схватываешь первую и последнюю страницу, скажи же мне, милый пророк, какова будет наша судьба? Я, со своей стороны, должна осыпать тебя новой похвалой, с тех пор, как я попутешествовала по другим краям; я видела патриотов, любящих революцию, которые, однако, как поверхностные люди, держатся на поверхности и всем довольны. Они убежденно верят всякой небылице. По поводу многого я сохранила скромное молчанье; мало людей любят это дело так, как мы: нас воспаляют святая любовь, гуманности и святейшая любовь к добродетели. И вот, милый мой, оба эти рода любви многим многоразумным людям неизвестны. Честолюбие, интересы, все маленькие человеческие страсти оказывают свое влияние даже на мыслящих людей, а люди, которые лишены чести быть мыслящими существами, имеются в таком большом числе и по своей природе такие овцы, что им требуется только пастух в виде Гильо, который повел бы их всех на бойню.

Так как я хочу умереть красивой и мирной смертью и не желаю стать жертвой своей чувствительности, я прекратила всякие сношения со всеми теми, которые слишком откровенно показывают цепи, при помощи которых нас угнетают; я не в состоянии разбить ни одного звена и раню себя теми, которые заострены; я почти ничего больше не читаю, я отдыхаю, или вернее, посвящаю себя своему естественному и настоящему назначению-воспитанию моего милого Августа и вышиванию. Вот тебе плоды моих наблюдений. В Париже с чувствами спартанки и римлянки можно прослыть за гуронку. В конце концов, все не так страшно, для определенных превращений нужно много времени, не одна день. Впрочем, безусловно, имеется на лицо настоящий общественный дух и - любовь к конституции. Одним словом, имеется, быть может, слишком много; по «подождем конца, с дальнего горизонта с яростью приближается ужаснейший из сынов» и т.д. и т.д...

Воскресенье вечером

...Несмотря на то, что мне скучно без тебя, я все же испытываю определенную радость при мысли, что тебя нет в этой вавилонской башне, называемой Парижем; и я уже начинаю волноваться в ожидании зимы. Я надеюсь, что придет моя сестра и поможет мне нести этот крест.

Что особенно тяжело, так это неприязнь, которая сеется между гражданином и солдатом. Этот проклятый казарменный дух убивает душу. С удовольствием посмотрела бы я на торжественное сожжение всех мундиров со всего света, и было бы наслаждением для моих глаз, если бы наша национальная милиция разоделась во все цвета, как войска Генриха IV. Суета сует, все суета...

М-м Жюльен - сыну

Суббота, 20 августа 1791 г.

Сегодня я хочу с господином секретарем переговорить о политике и пофилософствовать [молодой человек был секретарем патриотического общества в родном городке]. Исполни, мой милый, свои обязанности на этом посту со всей мудростью и умом зрелого мужчины. Подумай, что среди 25 миллионов французов, населяющих это большое государство, едва ли приходится один на сто, сумевший подняться на высоту революции и объять то, что ощущает и понимает твоя юная и энергичная душа, как и все те добрые римляне, с которыми ты общался во время учения.

Если ты правильно наблюдаешь, то ты не мог не заметить того общественного духа, который господствует в действительности; в общем и целом он проникнут умеренностью и мягкостью, хотя он и крепче, чем можно было бы этого так естественно ожидать от французских мозгов. Я, со своей стороны, нахожу, что самые простые люди пережили за эти два года целое столетие, и я следую тому образу действия, который ты так удачно мне посоветовал. Я наклоняюсь, чтобы снова выпрямиться. Если никого не задеваешь, если, наоборот, постепенно поднимаешься до высоты своей цели, то приходишь к тому выводу, что даже карлики могут ее достичь, тогда как если показать ее с самого начала во всем ее величии, всякий почувствует себя растерянным, упавшим с луны, в каком состоянии на самом деле пребывают многие. Вспомним старика Лафонтена: «Кротостью достигнешь большего, чем силой». Во всех углах Франция молятся на конституцию. Она является боевым кличем, который должен был бы объединить всех. Некоторые считают, что наши законодатели могли бы придти к лучшим результатам, другие же говорят, что они дали самое лучшее. По этому поводу ссор без конца; если же принять во внимание всеобщую развращенность, и вырождение людей, которые растлевались двенадцативековым рабством, то нужно еще считать себя счастливым, получая от них половинчатые благодеяния, и только со временем можно надеяться на возрождение, которое, несмотря на все преграды, проложит себе дорогу. Если даже можно надеяться, наше второе законодательное собрание окажется добродетельным и приведет в исполнение те немногие хорошие законы, которые созданы, сколь много хорошего оно сможет совершить! Оно встретит поддержку со стороны общественного мнения, которое в массе своей так же чисто, как деревенский воздух у нас. Какие чудеса могут быть совершены без всяких нововведений. В конце концов, мой милый, даже простая ответственность, сдвинутая с места мощной рукой, может вызвать удар, который приведет нас на двадцать градусов дальше.

Париж спокоен, как поверхность пруда, не говоря о частных спорах, приводящих каждодневно к трагедиям.

Четверг, 25-го

На этой неделе будет рассмотрена конституция. Циркулируют всевозможные предположения в самых разнообразных вариациях, и даже Нострадамус никогда не сочинял более фантастических бредней. Мне кажется, что с королем наша конституция обошлась так хорошо, и все драгоценности короны собраны и прикреплены к ней нашими законодателями с таким искусством, что, по моему, букет, который они хотят презентовать ему в четверг, с удовлетворением будет обнюхиваться придворными носами. Они чувствуют приятный запах гражданского листа, не подвергшегося сокращению. Другие держатся мнения, что ослепление, которым одержима партия злонамеренных, увлечет короля на сопротивление, последствия коего неисчислимы. Ничто не может сравниться с наглой уверенностью наших врагов. Я со своей стороны вижу спасение только от тех чудес, которых я жду от революции, и которые уже так часто она совершала, я надеюсь, что она имеет в своем гроссбухе еще одно скрытое чудо для будущего четверга

Я почти не боюсь тех иностранных держав, которых хотят сделать пугалами. При этом я думаю о всех тех неприятностях, которые доставляют им достаточно забот, и о страхе, который они должны питать перед правами человека, проникшими повсюду; к этому присоединяется еще борьба за власть и политика уверток, которую ведут все министры. Повсюду расколы, и пока они добьются соглашения по поводу главного пункта, т.е. нападения, нас защитит от них зима.

Что до нашей черной армии и наших принцев, являющихся их вождями - если бы национальное собрание по настоящему, патриотически взялось бы за это дело, они были бы уничтожены. Это собрание могло бы привести нас к зениту славы и процветания. Проклятая развращенность!

Говорят, что наши якобинцы пользуются все возрастающей благосклонностью, а шансы фейянов падают. Мне слишком нравится политика определенных людей, которые вступили в сношения с обоими партиями, и поэтому, я не могу правильно судить о том, где истинный патриотизм. Впрочем, я ни в чем не уверена; ибо я встречалась с очень ограниченным числом людей и добровольно порвала с журналистами «экзальтированных» [*exaltés*] было техническое выражение для самого радикального направления], так как они были слишком правы, чтобы не быть неправыми, и так как они подвергали меня лично пыткам без пользы для общего дела, в отношении которого я ничего не могу сделать. Ты помнишь, что возбуждение, до которого они довели меня, было как лихорадка, лишаящая человека аппетита и она...

Воскресенье вечером

Вчера происходило здесь великолепное празднество на Елисейских полях; весь Париж был на ногах... Не думай только, что у нас царит траур; никогда еще столица не была более блестящей, более шумной, более роскошной, более танцующей, более пышной; и это все в то время, когда жалуются на нищету, и царит ужасающий недостаток в деньгах. Мы всегда останемся французами; веселье сопровождает нас и облегчает все наши страдания.

М-м Жюльен - сыну

Понедельник, 5 сентября 1791 г:

...Тюильри было вчера открыто, и туда устремилась такая толпа людей, что яблоку некуда было упасть. В торжественной обстановке был показан наследник. Мать и тетка попеременно брали его на руки, чтобы показать его народу. Исполнительная власть [под этим выражением, утвержденным конституцией, она подразумевает короля. Это часто встречающийся революционный оборот речи] официально заявила о своем решении не покидать Парижа. Снова началась вся эта пышность для ротозеев и зевак; месса вчера в замке была одной из самых роскошных, музыка прекрасна и, когда он проезжал, раздавались крики: Да здравствует король, а также и «Да здравствует конституция!» С большим спокойствием и радужными надеждами ожидается принятие королем конституции; создается щекотливое положение, если он останется недоволен. Но, как опять-таки говорит Лафонтен: «Много яств было подано, да разве можно насытить чем-либо королевский желудок?» Увидим...

В «Theatre français» ставится новая пьеса, «Виржиния» или «Децемвиры». В ней пользуются самым большим успехом стихи с аллегорией: «Лишь нравственным дозволено законы диктовать».

При самых тонких намеках раздаются оглушительные аплодисменты; таких намеков имеется там тысячи, и пьеса не будет снята с постановки, ибо Регина дель Мондо поклялась в этом, а она королева над королями.

Будь здоров, любимое дитя мое, надежда моей души, мыслящей тебя всегда, как решительнейшего друга добродетели; внимай только ей и следуй, не глядя ни направо, ни налево, ни наверх, даже если тебе пришлось бы шагать по лезвиям ножей. Береги свою молодость. Ведь даже седины Телемака, не будь Ментора, были бы запятнаны грехами его молодых годов. Прикрывайся всегда щитом Минервы. Юлий мой, как люблю я этот образ! Будь здоров.

М-м Жюльен - сыну

Париж, 20 октября 1791 г.

Твои сетования не останутся неслышанными, мой сын. Твой отец, который ничего иного не желает, как счастья своих детей, и просвещенная философия которого не знает предрассудков, предоставляет тебе свободу избрать профессию по душе. Хорошее поведение во всяком положении, строгое следование добродетелям, в которых, он является тебе примером, это все, что он требует от тебя, более для твоего, чем для своего счастья. Я, со своей стороны, как менее податливый человек, не могу отказаться от некоторых разъяснений. Прежде всего, я оскорблена, что ты выражаешь нам нечто в роде порицания по поводу твоего воспитания, которое мы тебе дали, и твои цитаты из Жан-Жака, по правде сказать, не попадают в цель, ибо ты знаешь нашу жизнь и по своему воспитанию можешь видеть, что даже посещения Пале-Рояля для тебя не большая опасность заразы, чем для нас. Если только человек обладает верными принципами в той области, которая представляет собой настоящую ценность, то он не даст себя ослепить мишурой. Эти принципы или неизгладимо врезаны в твое сердце, или же ты никогда их не поймешь и в самой жалкой провинции встретишь препятствие для всякого проявления добродетелей, основы которых так дряхлы, что они требуют опоры со всех сторон. Мой сын, ты человек и создан для того, чтобы жить с людьми. В Париже, в Перу, в Японии, в провинции, в деревне везде существуют пороки и добродетели; нужно изучать людей, нужно понять их, прежде чем установить, где они лучше или хуже, и где целесообразнее всего поселиться. Если принять во внимание все обстоятельства, то провинция, быть может, более опасна, чем столица, и молодой человек, желающий уединиться в столице, располагает в тысячу раз большей свободой и в тысячу раз больше огражден от опасностей, чем если он замкнет себя в маленьком городке, где он не может бежать от страстей. Здесь существует только один род разврата, который так низок и порочен, что, я полагаю, он не представляет собой опасности для человека, несущего в своей душе хоть минимальнейшее стремление к более высокому и наделенного от природы честным сердцем. Испытай себя основательно, мой сын, и будь честен по отношению к самому себе. Быть может, проведенные тобой три месяца в Романе принесли большой вред твоей нравственности, чем те шесть лет, которые ты провел в столице в занятиях, которые ты по своей учености считаешь теперь бесценными. И в своей бессмысленной учености ты бросаешь своему отцу слова Руссо: «Мудрый воспитатель должен начать с ухода за телом» и т.д. Это упрек? Нравоучение? Бедный юноша! Знаешь ли ты, что с первых мгновений твоей жизни изыскивались средства, чтобы сохранить здоровыми и тело твое, и душу? Знаешь ли ты, что мы все время твоего детства жили в деревне, чтобы там укрепить твое тело? Знаешь ли ты, что мы отказались от тончайших наслаждений, чтобы создать почву, плоды с которой пожнешь ты один? Знаешь ли ты, что другие родители доверяют своих детей неизвестным людям и отсылают их учиться, подвергая риску их добродетель? Отец и мать последовали за тобой, чтобы охранить тебя под своими крыльями. Разве ты не чувствовал себя счастливым под кровом отца в занятиях, свойственных молодым людям? Разве покой наших домашних радостей, разве товарищ, которого дали тебе для соревнования в занятиях и в качестве спутника твоих игр, разве все это не было для твоего же счастья? Твои успехи и твоя удачная деятельность на литературном поприще убаюкали меня в сладчайших иллюзиях; я считала, что ты счастлив до того мгновенья, когда ты мне сказал, что этого нет.

Я во время вспомнила один из твоих доводов: «Счастье - ничто иное, как отсутствие несчастья». В течение этих шести лет ты пользовался беспрерывно добрым здоровьем. Ты имел все, что касается жизни, в избытке; ты исполнял свои обязанности так, что нужно было полагать, что ты делаешь это с радостью. Ты пользовался нежной любовью своих родителей. Никогда еще свежесть твоей души не была затронута ни упреком, ни жалобой, ни какими-нибудь наказанием. Твое детство было окружено дружбой и уважением всех наших друзей, их ты заслужил своим поведением и той аттестацией, которые с радостью давали тебе прекраснейший отец и чуткая мать. Да, мой сын, я призываю тебя к справедливости, и это должно быть для тебя тем несчастьем, на которое ты сетуешь. Берегись злословить на провидение!

М-м Жюльен - мужу

Париж, 11 апреля, год IV свободы (1792 г.)

Пишу тебе в каком-то радостном опьянении, мой милый муж; праздник кончился, он отпразднован со всей пышностью, со всей великолепной простотой и со всеобщим глубоким спокойствием народного празднества. Может ли быть что-нибудь более прекрасное! Я видела это собственными глазами; и если я жалела о чем-нибудь, так лишь о том, что со мной не было мужа, научившего меня чувствовать и ценить настоящую красоту. Почему не мог ты быть здесь? Ужасная поездка! Но успокойся, мое сердце, не должно быть места личной неудаче в этой великой общественной радости. Перейдем, однако, к повествованию о празднике.

Я находилась в первом этаже, на балконе роскошной квартиры, на бульварах» напротив улицы Монмартр, под кровом доброй м-ль Кано. Все окна на всех бульварах были заняты. К длинному шествию присоединилась такая толпа людей, что можно было думать, что оно никогда не кончится. От заставы «Трон» до Марсова поля происходило то же самое. Нельзя себе представить ничего более величественного, как спокойствие и веселье, сиявшие на всех этих лицах. Открытие шествия вначале несколько задержалось из-за некоторых весьма разумных и целесообразных распоряжений, придавших празднику иной характер, не изменивших, однако, в корне первоначального плана. Солдаты Chateaufieux [солдаты полка Chateaufieux, сосланные за мятеж в полку на галеры, были теперь помилованы. После брестского выступления якобинцев красная шапочка ссыльных на галеры стала теперь составной частью революционной одежды], которые должны были поместиться вместе с женщинами и детьми и с аллегорическим изображением изобилия на триумфальной колеснице, маршировали все сомкнутыми рядами с прочими гражданами. Эта громадная, разлившаяся толпа организовалась у стены с удивительной точностью и спокойствием, а внешний порядок никогда еще не соблюдался более умело и точно. За первыми группами, составленными из людей, носивших различные знамена в честь свободы, следовали «скрижали законов» на руках коренастых мужчин. Затем следовали изображения великих людей, украшенных гражданскими коронами. На декорированных трехцветным знаменем носилках пронесли камни Бастилии, на которых можно было прочесть слова: «Свобода», «Равенство»; за ними ларь с книгой нашей священной конституции; затем окаймленный кипарисами и закутанный в креп траурный саркофаг, содержащий в себе пепел несчастных национальных гвардейцев, умерших в Напои. Прикрепленный сверху траурный стяг имел выведенную большими буквами печальную надпись: «Жертвы Буйе». Эту группу сопровождал значительный по численности оркестр с соответствующей музыкой. Войска национальной гвардии маршировали вперемежку с гражданами под руку, в общем шествии, и среди них находилось несколько женщин. Не было никаких обособленных групп, но мне указали на некоторых одиночек, как Дантон, Сантерр, Манюель и т.д. и т.д. Солдаты Chateaufieux маршировали вместе с национальными гвардейцами и прочими военными. Всюду, где они проходили, раздавались восторженные овации. Женщины и дети протягивали им свои руки; мужчины махали шляпами, и к небесам возносились единодушные крики: «Да здравствует Chateaufieux!» вместе с криками «Да здравствует нация! Да здравствует свобода!»

Другое столь же интересное зрелище вызвало новое впечатление и доставило новое удовольствие, смешанное с нежным состраданием: да поднятых высоко носилках несли галеру и весла с надписью: «Преступление ведет к позору, а не эшафот»; и за ними следовали около ста молодых девушек, одетых нимфами, и красивых, как нимфы, которые на руках несли цепи несчастных солдат. Это блестящее шествие заключая траурный саркофаг с надписями в честь солдат, так бесчеловечно принесенных в жертву военным судом, и 40 молодых девушек несли флажки с именами солдат Chateaufieux, которым удалось избежать так называемого правосудия. Знамена трех свободных наций были соединены и сплетены трехцветной гирляндой. Я упомянула о них не там, где следует, и, наверное, что-нибудь забыла; ибо я еще не читала отчетов, и все это лишь пересказ того, что я видела своими глазами. 83 департамента были представлены 83 мужчинами, которые несли трехцветные знамена с наименованием каждого департамента, а вместе с ними шли группы национальных гвардейцев, граждан, носильщиков в своих костюмах. Так как в шествии получались иногда большие промежутки, то, чтобы дать время подойти задним рядам, затевались танцы, и мелодия «Ca ira» подхватывалась находящимися в окнах, ноги сами начинали танцевать, а маленький беспорядок, возникавший в торжественном шествии, придавал ему еще большую красоту. Шествие длилось больше часа и принимало самые разнообразные и самые красочные формы; все крики и приветствия, посвященные свободе, повторялись так единодушно и с таким трогательным воодушевлением, что ни один концерт, никакая музыка не могли с ними сравниться. Но вот, смотри, вот появляется роскошная карета, запряженная 20 чудными лошадьми и украшенная цветами конституции; пешие проводники в красных шапочках сдерживали лошадей для предупреждения несчастных случаев. На козлах сидели двое или трое, и один держал вожжи передних лошадей. Карета эта была вышиной в два этажа; поднимающиеся ступеньки ее, первоначально имевшие другое назначение, ничем не были заняты и были разукрашены так, что получалось недурное впечатление. Аллегорическое изображение славы, в виде статуи красивой женщины, стояло несколько выше первых ступенек с надписью, которую я не могла прочесть. Гордая статуя свободы стояла на площадке, образующей задок кареты, с рогом изобилия и со всеми атрибутами славы и счастья. Рельеф был великолепен; энтузиазм достиг апогея, у меня в ушах еще теперь звучат крики: Да здравствует свобода! Жить свободным или умереть! так часто повторялись эти возгласы. В восемь часов вечера празднество, прошедшее с колоссальным успехом и в полнейшем порядке, закончилось. Славный Петион покрыт славой. Он был настолько благоразумен, что объединил, наконец, департамент и городское управление благородным чувством, заключавшимся в том, что народ был предоставлен самому себе, и ему же был доверен порядок его праздника. Не было ни одного патруля, ни одного вооруженного национального гвардейца ни в шествии, ни на улице; и не было никакой толкотни в 600000-й толпе. Полицейский порядок, был заменен в толпе взаимной любезностью; я была, там, я была там; а чтобы моя дорогая сестра Виргиния, которой мне очень недоставало, убедилась, что я не преувеличиваю в своем патриотизме, передай ей, что я была бы в состоянии, если бы завтра снова было устроено такое празднество, направить туда Августа одного, столько вежливости и учтивости я там встретила. Самое пикантное при этом то, что интрига провалилась сквозь землю; я не называю имен, но ты легко их узнаешь, ибо все они остались с длинным носом. Мать одного известного командира заклинала меня запереться дома со своей семьей; сын ее сказал ей, что войска сконцентрированы в главных кварталах и готовы к выступлению; Петиона, якобы, заставляют свернуть красное знамя, и картечью будет сметен на улицах этот сумасбродный народ, который вбил себе в голову справлять какие-то празднества. По этому делу я в интересной беседе с г.Б. (художник из Дезиля, который в свое время отправился в Нанси, чтобы написать национальную картину, подобную «Клятве в зале Давида») узнала удивительные вещи, которые он слышал от отца и матери молодого героя, убитого солдатами своего полка. Полк Chateaufieux был тогда расквартирован за городом.

Мое радостное опьянение пропорционально страху, который я переживаю, при мысли, что может пролиться кровь.

М-м Жюльен - мужу

Париж, 30 апреля 1792 г.

Ах, мой дорогой муж, как недостает мне тебя эти три дня! Потребовалось бы перо Тацита, чтобы написать их историю. Никогда, нет никогда еще народ не проявлял столько мощи и спокойствия, и блеск его величия в глазах философа и исследователя не похож на блеск королей. Я видела толпу в 200 или 300 тысяч человек в Тюильри, на дворцовых дворах, в окрестностях сената, и в этой толкотне мне даже ноги не отравили. Народ воистину восстал: как гордо и величественно держит он себя! Со времени революции ты не видел ничего подобного, и наши глаза были свидетелями этого великого зрелища. Во вторник, когда закончилось заседание национального собрания, я отправилась в Тюильри, чтобы пройти через него, и я думала, что никогда не смогу выйти оттуда. Я была у четырех ворот и не могла выйти, до того был переполнен сад. Равным образом были переполнены обширные дворы замка. Когда я там проходила, я заметила, что львиная пещера охраняется по старому со всех сторон; и оттуда до нового моста везде одинаковое скопление. Марион, которая была в Тюильри и толкалась среди разного народа слышала прекрасные вещи. Народ не захотел злоупотреблять своей гордо осознанной силой; многочисленные патрули, хотя и были размещены в толпе, по в виду ее умеренности им не пришлось ни подавлять что-либо, ни кого либо наказывать.

Заседание, на котором я присутствовала во вторник с восьми часов утра до пяти пополудни, происходило до самого конца его со все возрастающим интересом, как будто провидение в этот день поставило законченную и великолепную пьесу в форме трагедии, искренность и значение которой увеличивались с каждым действием. Явился высший чиновник народа, Петион, чтобы сделать доклад о парижской полиции. Доклад его был убедителен и прост: благодаря установленному повсюду надзору, сказал он, царит глубочайшее спокойствие, законодатели спокойно могут отдаться тому высокому делу, к которому призвал их народ, не тревожась, что совещания их могут быть нарушены какими бы то ни было беспорядками. Граждане этой великой столицы в массе своей чисты, их гражданское самосознание просвещенно и устойчиво, злонамеренные элементы не осмелятся проявить себя и т.д. Аплодисменты, крики «браво», пенящаяся радость и воодушевление выступили в такой мере, что, казалось, раскроются своды храма, и когда мэр проходил через залы, его сопровождали восторженные и искренние приветствия. Затем появились перед решеткой около двадцати инвалидов и в благородной речи жаловались на то, что они поставлены в необходимость привлечь к ответственности своих офицеров за отданный ими прошлой ночью приказ. Он заключался в том, что должны были раскрыться ворота для королевской стражи и даже для национальной гвардии. Доклад этих молодцов тронул нас до слез. Призвали к ответу офицеров. Ради краткости скажу, что они хитро вывернулись, утверждая, что они ночью ожидали волнения в Париже и поэтому отдали распоряжение, чтобы обеспечить спокойное убежище людям, спрятавшимся в своих домах. Взвесь это в своем уме и суди об этом. Их беспрепятственно отпустили. Базир начал свое обвинение по поводу личной стражи короля [по Конституции, личная стража не должна была превышать 1800 чел.; на герцога де Бриссак взводилось обвинение, что он увеличил это число до 6000], вступительный доклад его был краток и умерен. Чтение официально удостоверенных и подписанных обличительных документов длилось два часа, причем пропущено было больше, чем зачитано из-за того, что дело это успело уже надоесть, и правонарушение было достаточно доказано.

Три молодых королевских гвардейца потребовали, чтобы их допросили, и со свойственной им чистотой и прямолинейностью они показали о всех тех мерзостях, свидетелями и жертвами коих они стали, подвергаясь всякого рода притеснениям за свою гражданскую сознательность. Они говорили, что в передней королевы неудача при Монсе рассматривалась, как славный успех: «Пало уже 300 санкюлотов, браво! Да очистится земля от этого отродья, тогда наш господин станет королем», и т.д и т.д. Перо мое не в состоянии передать всего того, что я слышала. Кроважность тигров считается человечностью при дворе. Открылись прения. Дюма осмелился взять на себя защиту королевской личной стражи. Другие, более ловкие, ссылались на конституцию, чтобы воспрепятствовать их увольнению, которого требовал Базир. В это время слышались звуки музыки, внесшей некоторое успокоение в прения, которые грозили принять бурный характер. В этом заседании все было удивительным, благодаря искусной последовательности отдельных событий, вызывавших в душе попеременно самые разнообразные переживания: ужас, сострадание, восхищение, радость, удовольствие, мучение - мы прошли через все чувства и притом с такой экспрессией, которая была вызвана живейшим интересом и сознанием ужасающей опасности.

Эта воинственная музыка объявила о приходе секции Гобелен и граждан предместья Сен-Марсо. Оратор, человек в лохмотьях, говорил, как Цицерон: я не знаю, откуда придут новые красоты ораторского искусства, но такого поразительного еще не существовало. Оратор просил собрание дать разрешение уважаемым гражданам секции пройти через залу, чтобы показать законодателям, сколько сердец бьется для них, и сколько рук несет оружие для их защиты. В новом и восхитительном порядке прошло 6000 людей, солдат, мужчин, женщин и детей. Через известные промежутки группы граждан прерывались тремя или четырьмя рядами солдат, и вся толпа маршировала в такт барабана, выбивавшего веселый и мерный марш. Все женщины простирали вверх правую руку; мужчины были вооружены пиками, вилами, мотыгами с трех зубцах, серпами, к которым примешивались штыки солдат. Дети были с саблями наголо. Зад оглашался криками: жить свободными, или умереть; конституция или смерть; да здравствует национальное собрание, долой тиранию; французский народ свободен, у него только один господин-это закон; да здравствует закон, да здравствует нация! И это длилось добрых полчаса. Крики «браво», приветствия, аплодисменты, все это вместе создало какофонию в тысячу раз более прекрасную, чем вся гармония Большой Оперы. Суди сам, мой милый, не само ли провидение через такое проявление мощи постаралось придать нашим депутатам дух и силу, в которых они нуждаются! Черные [в то время «аристократов», реакционеров и умеренных называли «les noirs» - черными. Впоследствии они назывались «les blancs» - белыми] от страха побелели. Они не знают ничего иного, как мужество дерзости. Лица их побледнели как смерть, и они совершенно растерялись. Граждане предместья Сент-Антуан вечером проделали еще в большем числе то же, что я видела, и что я только что рассказывала о гражданах из Сен-Марсо. Ночь прошла совершенно спокойно. Париж заботливо освещался, и законодатели, руководствуясь ярко выраженным общественным мнением, постановили этой ночью распустить преторианскую гвардию, готовую придушить нас по первому знаку. Бриссак Коссе был объявлен под следствием, арестован и сегодня утром переведен в Орлеан. Мне недоставало тебя, я призывала тебя к себе, я жаждала тебя, мой милый друг; эти великие сцены изнуряют душу. Опасности, в которых мы находились, наглость аристократов, предсказывающих контрреволюцию и кровавую баню так же, как предсказывают очистительную грозу, все это должно было прогневить высшее существо, и я рассматриваю теперь все случившееся, как чудесное проявление его мощи и доброты к народу. Люди при этом не совершали ничего великого; преступления накапливались, сопутствующие обстоятельства назревали и ускорялись благодаря проведению революции без помощи человеческого ума и, таким образом, заставили законодателей спасти нас и самих себя. *Suprema lex salus populi*.

М-м Жюльен - мужу

Париж, 3 мая, год IV свободы (1792 г.)

Мои милый муж, бросаюсь в твои объятия, полная печали, тревоги - не знаю я, что сказать тебе в этом неопределенном положении. Воздуху едва хватает в ожидании новых известий; все сердца находятся в движении, мысли всех напряжены, и о беспокойстве люди идут друг к другу, чтобы узнать последние новости. Тебе известно уже о поражении Дилона и от его печальной участи. Второе столкновение у Монса под командой г. де Бирона окончилось также неблагоприятно; но он удачно организовал отступление. Сегодня утром я получила известие от г.Трюффе, что Монс, якобы, взят обратно этим же генералом. курьер, будто бы, прибыл вчера вечером в девять часов, и ему это известно из достоверного источника. Сегодня эта весть должна подтвердиться. Национальное собрание внушает нам опасение, что гром пушек его оглушит; высказывается недовольство собранием. Наши аристократы проявляют дикую радость, которая, будем надеяться, не будет продолжительной. В конце концов, милый мой, боятся якобинского министерства, и если провидение не заступится со всей своей силой, то нас можно оплакивать. Недоверие до такой степени оправдывается предательством, что мы, чтобы победить, можем рассчитывать только на чудо. Я ожидаю такового от Лафайета, так как его интересы и наши в данную минуту совпадают. Он должен запастись большой силой и большим доверием и все, что он теперь предпринимает, указывает на это.

Терпение и мужество, мы переживаем чисто римское замешательство, но надежда не допустит того, чтобы оно превратилось в уныние. Если бы сенат считался с общественным мнением, то все это не было бы еще так страшно. Мирабо был прав, когда говорил, что внимание, обращенное на войну, занимает все умы, а это не особенно благоприятно, когда приходится исполнять еще так много других вещей.

Какая отвратительная тайна ускользает от истории, и какими ужасными злодеями являлись и являются наши магнаты. Вы очень счастливы, что находитесь вдали от нас. Мне кажется, что так, по крайней мере, военные фанфары не препятствуют Вам внимать свирели пастуха и что мои маленькие сестрички смеются и забавляются, как в самое мирное время...

...Пусть м-ль Виржини не придет на ум вспомнить о том, что я предсказывала победу, и пусть она не старается поколебать мою уверенность. Я рассматриваю все положение вещей в общем и целом, учитывая все перспективы. Мы были готовы к предательству, к маленьким неудачам, но война всегда настраивала меня на печальный лад при представлении о гекатомбах жертв, зарезанных из-за интриги и бесчестья.

М-м Жюльен - сыну

Париж, 19 мая 1792 г.

...Я была с м-ль К. в С.-Юсташе на проповеди; никогда, нет никогда еще кафедра, с которой провозглашается истина не была занята более достойным лицом. С блестящим красноречием говорил оратор о средствах прекратить отвратительную гражданскую войну и благополучно закончить внешнюю войну с евангелием и с конституцией в руке он с истинной гениальностью проповедовал свободу, равенство и братство. Картины, которые он развернул по поводу противоестественной развращенности тиранов и дворов, по поводу унижения и мучений народов, были так полны убийственной правдой, что я за все время революции не читала ничего более красивого и сильного. Контраст, до которого он нас искусно довел, показав короля-гражданина, шагающего твердой поступью по пути добродетели в священной верности своей клятве, поднимающегося вместе с нацией на вершину славы, был преисполнен увлекательной и великолепной иронией.

Одним словом, мой милый, все эти Флешье и Бурдалу даже в своих самых выдающихся выступлениях не могли сравниться с этим. В ту минуту, как раз, когда он в блестящей сентенции призывал гром и молнию небесной справедливости на преступные головы, настоящий громовой удар потряс своды церкви. Суеверие римлян считало бы это добрым предзнаменованием благоволения Юпитера. Мы же молча дивились этому странному обстоятельству, которое случилось так во время, и в потайном уголке нашего сердца молили божество о том, чтобы оно таким же громовым ударом проявило бы свое правосудие и всемогущество. Слушатели были так увлечены и восхищены речью этого достойного служителя высшего существа, что бурным овациям, раздававшимся со всех сторон не было конца...

...Здесь говорят о большой победе англичан над Типо-Саибом, которая даст им в руки вое сокровища Индостана. Скажи мне, правда ли это? [Сын уехал в Англию со многими рекомендациями, в том числе и к Пристли]

Я принимаю во всем, что касается этой нации, теплое участие. С восхищением читала я об их совещании по поводу торговли неграми. Я хочу проследить за ходом этого великого дела, являющегося делом гуманности...

Ты знаешь мое глубокое уважение, которое я питаю к доктору Пристли. Если ты будешь иметь счастье его видеть, то смотри на него так, как будто, воскресли Фоций, Аристид, или Сократ. Мудрость этого великого человека может во всех отношениях быть подстать тому, что ты когда-либо читал об этих трех. Я хотела бы от тебя услышать тысячу вещей, которые я жажду узнать. Расскажи мне обо всем несколько подробнее. Терпеть не могу, когда ты в описании перескакиваешь через события...

М-м Жюльен - сыну

Париж, 1 июня 1792 г.

Сновиденье, сущий пустяк, все пугает нас, если оно касается того, кого любишь. Сын мой, мне сегодня ночью приснилось, что мы, твой брат, ты и я ходили при бледном, дрожащем лунном свете на краю пропасти; так как в опасности я не знаю более целительного средства, как неустрашимость и хладнокровие, я смело говорю вам: идите твердой поступью, но идите дальше. Ты оступился и на моих глазах свалился вниз на глубину 100 футов. Я взываю о помощи, я ложусь на скалу, ниспадающую почти отвесно, я скольжу со страшной быстротой вниз и почти одновременно с тобой достигаю дна пропасти; падение даже не оглушило меня. Я поднимаю тебя, ты совершенно разбился, но еще полон жизни и мужества. Двое мужчин, следовавших за мной, берут тебя на руки и выносят наверх, поднимаясь по такой крутой тропинке, что по ней никогда еще не ступала человеческая нога. С трудом шла я за Вами, но материнская любовь придала мне силы Геркулеса, и я, добравшись до вершины, от радости проснулась; я вся была покрыта потом и задыхалась от радости. Я не могла снова заснуть, до того волнение от этого сновидения пробудило все мои жизненные струны. Будет ли вещим этот сон? Грозит ли тебе опасность? Мое милое дитя, по моему мнению, молодость проходит всегда мимо вулканов, мимо пропастей и мимо пучин страстей, которыми полны твои годы. Суди сам о моих мыслях! Я умоляю тебя во имя твоей матери, береги моего сына. Я повторяю тебе бесчисленное число раз, единственное слово, которым сказано все, пусть мудрая недоверчивость бдит над твоей совестью при каждом твоим шаге...

Если тебе встретится квакер, то поцелуй от моего имени край его одежды. При всем разнообразии людей, населяющих земной шар, в моих глазах нет других, которые делают человечеству больше чести, чем они. Так как я их знаю только по описаниям, говори мне о них, если они тебе встретятся, и скажи мне, не польстила ли им кисть Вольтера или других философов...

На фронте ничего нового. Твой маленький братик отдал свой долг патриотизму; после того, как он преподнес свой патриотический дар и, сказав свои несколько слов, ему было разрешено при всеобщем одобрении присутствовать на заседании. Этот священный огонь, являющийся показательным, для общественного духа, так ярок, что, можно сказать, не преувеличивая, золото так и сыплется. Вчера одним гражданином из Бордо было возложено на алтарь отечества 57000 лизров законной монетой, и так день за днем бюро по приему пожертвовать ею заваливается...

Из переписки семьи Жюльен

М-м Жюльен - мужу

Ландауэр Г. Письма о французской революции

Париж, 14 июня 1792 г.

Vive Liberta и Век Просвещения 2004

...Твое письмо я сначала прочла с восхищением, а затем оно навело меня на размышления. Я начинаю думать, что ты не без намерения направляешь мой взор на мирную хижину, таящую в себе спокойствие среди этих политических бурь; этот ковчег обездоленного, быть может, сохраняется над поверхностью всеобщего потопа, и из него появится на свет добродетель, когда очистится земля. Душа моя взметнулась туда со всей силой. Уже заранее предвкушала я всю радость нашего совместного с тобой житья так и сказала Марион: «Поедем в Дофине, у нас в деревне небо не будет так грозно, как здесь». Мольер поступил правильно, советуясь со своей горничной; моя прислуга ответила мне с чудесной философией: «Сударыня, мы едва успеем там устроиться, как у барина появится желание совершить поездку в Париж для того, чтобы собственными глазами видеть великое зрелище политических событий». Это показалось мне настолько естественным и правильным, что настоящее мое письмо послужит единственным ответом с моей стороны на «геснерическую» часть твоего письма...

М-м Жюльен - сыну

Париж, 16 июня 1792 г.

Сухость твоего последнего письма глубоко опечалила меня. В двух его местах ты мне говоришь: я не знаю, чем мне заполнить бумагу, и на мои нежности ты не отвечаешь ни единым словом. Ты не улыбаешься по поводу сновиденья, рожденного материнской любовью и переданного, как мне кажется, с искренним чувством. Ты не спугиваешь это сновиденье, чтобы разрушить его болезненное впечатление. Сын мой, чья душа так чутка, отвечай мне: может ли когда-нибудь истощиться тема для бесед между двумя друзьями? Неужели требуются политические события, пикантные анекдоты, новые вести, чтобы питать чуткие сердца? Благодаря свойствам моего воображения, я склонна предполагать, что нет следствия без причин, и начинаю мучиться над вопросом, откуда пришло это истощение в только что начинающем общении, которое любовь должна была сделать скорее полным и горячим, нежели пустым и холодным. С горечью говорила я себе: быть может, мой Юлий чувствует себя несчастным и втайне обвиняет свою мать, что она жестоко и необдуманно поступила, разлучившись с ним? Мой сын, я сделала тебя судьей над твоей же судьбой, я говорила за этот выбор, относилась сочувственно к нему по той причине, что считала его удачным. Если эти диктуемые здравым смыслом меры, которые благодаря этой поездке, должны были бы, по моему мнению, отвечать твоим интересам и содействовать твоему образованию и твоему счастью, не соответствуют нашим истинным намерениям; если пребывание в Лондоне тебе не нравится; если английский юмор служит только для того, чтобы увеличить в тебе склонность к унынию, которую я предпочла бы видеть ослабленной, нежели усиленной, то произнеси только два облегчающих душу слова: Я свободен. Призови свой рассудок, испытай свои склонности и, мудро все взвесив, прими решение, на котором ты тогда вполне сознательно остановишься.

Наши объятия и сердца открыты для тебя. Мы далеки от тирании родителей, которые не переносят отступления от раз принятого шага. Дело идет о поисках мудрости и счастья во всех направлениях. *Свои решения и мнения можно изменять без ложного стыда.* В твои годы должно пробовать почву, испытывать пути, пока найдешь дорогу, по которой можно шагать с пользой и радостью. Если случай руководит глупцом, то благоразумный опыт является руководителем умных. Не доверяй первому порыву своей стремительной натуры: подчини их своей совести и своему сердцу...

...Не беспокойся о Париже. Четыре года, полных чудес провидения, которое ясно проявляет свое величественное покровительство народу, должны обратить даже неверующих. *Ca ira.*

Король только что произвел частичные изменения в министерстве. Ты прочтешь об этом в газете. Эта смелость поражает меня; но мы сумеем использовать и это, как все его прочие глупости. Как стекло разбивает он г.Сервана, который действительно был патриотом, твердым, как римлянин и способным на самые ответственные деяния. Мы знаем его лично, поэтому суждение мое о нем покоится на верном фундаменте. Он покинул Роман, чтобы взяться за государственный руль в качестве военного министра. На его место стал г.Дюмурье: помоги бог, чтобы он был таким же чистым, как тот. Гувийона нет более в живых; глупой особенностью французов является привычка всегда преувеличивать все при гибели офицеров. Природа, по-видимому, сделала господ «бывших» из особенного теста, так что, очевидно, только они обладают талантом быть командирами. Черт возьми! Шерер был солдатом до того, как стал генералом, и в армии, быть может, существуют погонщики, которые могли бы стать Тюренами, если бы не существовали наши нелепые предрассудки. В настоящее время честность и гражданская совесть в наших генералах являются самыми необходимыми для блага государства качествами.

М-м Жюльен - мужу

Париж, 24 июня 1792 г.

...Г.Букли не преминул в любезно-спокойном тоне ознакомить меня со всеми политическими принципами клуба Монтэгу. Я достаточно энергично ему доказывала, что они фейяны, Он считает, что я исполнительная власть является изменнической и предательской; но это дело конституции направить ее на путь истины. «Если у нас нет средств для этого, то нужно глядеть в оба и прежде всего оказывать уважение конституции; этот воодушевленный народ не представляет собой настоящего народа, это чужие, разбойники, или то, что раньше называли дрожжами народа, ничего не имеющие за душой и поэтому только заинтересованные в беспорядках». Я говорила весьма умеренно то, что было возможно; но я видела буржуазную аристократию, создающую в народном классе этот ужасный раскол, который опаснее, чем все остальное. Повсюду раздается барабанный бой. Батальон «Святой Женевьевы» уже наготове.

Я переходила площадь; один офицер сказал мне: «Сударыня, мы будем защищать закон», после чего он удалился. Солдат ответил: «Мы не разделяем его мнения. Что ж! *Ca ira*; мы не будем стрелять»...

...Сегодня утром я шла по площади Пантеон, где были расставлены три батальона со своими пушками; фитили были зажжены. Были видны почти только одни офицеры. Это расположился симпатичный полк «чашечек для бритья», так называют бляху, которую они носят на груди. Женщины шутили над ними: «Господа, наверное, ждут, пока посыпятся австрийцы, ибо они слишком галантны, чтобы убивать французов». Другая: «Действительно, это кобленцкая армия; это все франты в эполетах». До часу они бездельничали, а после этого геройского подвига был дан сигнал к отступлению. Я все это видела и слышала, с большим удовольствием. В конце концов, милый мой, снова была отвращена гроза. Терпенье и мужество! Я не могу воздержаться от того, чтобы не послать тебе вечернюю газету, с таким удовольствием читала я все, что есть интересного.

В семь часов мы пошли на заседание нашей секции в бывшем Коллеж де Наварр, народу было там уйма. Мы слышали, как принимались постановления о лишении командующего генерала и г.Пинона доверия нации. Ломбардская секция сообщила, что она запаковала в мешки все свои формы национальных гвардейцев, чтобы отправить их добровольческим полкам, якобы, не имеющим обмундирования. Жители этой секции впредь будут нести службу в штатской одежде. Было решено отправить адрес национальному собранию с требованием сократить количество батальонов с 60 до 48, сообразно числу секций, и упразднить генеральный штаб национальной гвардии. Все это встречалось бурными овациями, как и предложение зачитать в национальном собрании адрес предместья Сент-Антуан, который ты найдешь в газете.

Букли оказал мне: «М-м Жюльен, зайдите хоть раз в нашу секцию; Вы увидите, в чем там дело, это настоящие санкюлоты, несущие чушь». Я не могу согласиться с этим мнением; Д., бывший до настоящего времени их президентом, заявил в тот вечер о своем уходе, так как он может опираться на приверженцев-фейянов клуба Монтэгу. Общественный дух народа прекрасен. Только буржуазная аристократия препятствует оказанию помощи организациям, которую они могли бы получить от просвещенной части народа; но не все еще потеряно, дело идет вперед, несмотря на негодяев и глупцов...

М-м Жюльен - мужу

Париж, 8 июля 1792, г.

С удовлетворением я обнаруживаю, что двор так же, как и преступление, обладают нетвердой поступью. Они не ведают, что творят; вчера король с веселой и честной миной конституционного монарха велел открыть свои сады; сегодня он закрывает их, как деспот-самодур. Все это не ускользает от наблюдательных людей, и дух общества не портится, несмотря на то, что злые козни направляют его на ложные пути...

...Вчера мы ждали сегодняшнего дня, а сегодня мы ждем завтрашнего. Французская стремительность произвела уклон в сторону англофильства, и это уважение перед законом представляет собой мощную узду, что бы ни говорили про народ в этом отношении пессимисты.

М-м Жюльен - сыну

Париж, 10 июля 1792 г

Все федерированные, прибывающие массами из 83 по конституции частей Франции, утверждают, что урожай зерна, винограда и других плодов никогда еще не был лучше. Провидение осыпает нас своими благодеяниями, и расточительная природа во всех округах этой обширной страны предлагает сокровища в изобилии, обеспечивающем ее процветание. 13 федералистов проживают в Монтэгу, и 12 в Наварре; эти люди свободы имеют строгий и гордый вид, как сама свобода. М-м Крузе сказала мне вечером: «Они похожи на людей без воспитания». Что же из этого, возразила я, если они умеют только умирать.

При этом я вспоминаю, что недавно видела в средней части церкви Сен-Жермен л'Оксеруа, в королевской епархии, великолепную каменную доску, на которой были выгравированы права человека. Это удвоило мою набожность, и я молилась очень горячо. Когда я покинула церковь, я увидела двух мужчин на деревянном помосте, вокруг которых собралось около ста человек. Каждый имел катехизис в вопросах и ответах, который они излагали с настоящим, ораторским искусством. Один представлял аристократию, другой - конституцию. Честное слово, тот последний имел на своей стороне всех зубоскалов. Он говорил вещи, которые по своему прекрасному остроумию и соли были достойны Мирабо. Какой-то человек из народа нечаянно толкнул меня и извинялся потом так рьяно, что прошел со мной шагов 200, чтобы услышать прощение.

В конце концов, он заверял меня, что они так любят благотворительность и справедливость, что 5000 посыльных или носильщиков подписали прошение о скорейшем возвращении на старую должность молодца Петиона.

Вот тебе народ, мой милый, и судить о нем можно по пословице: глас народа - глас божий. Эта избитая фраза, которая так стара, как мир, таит тем не менее в себе, как мне кажется, настолько глубокий смысл, что я не могу воздержаться от того, чтобы не посадить ее сюда, как красивейший цветок красноречия...

Поляки на голову разбили русских; Екатерина кончит так же, как и Людовик XVI. Неужели эта мегера не знает, что счастье - женщина!

Если когда-нибудь во главе нас станет патриот-генерал, то я предсказываю тебе, что пруссаки, австрийцы, уланы, валахи, черти, все вместе взятые, будут разбиты и побеждены свободными людьми. Я никого так не боюсь, как французских предателей.

Якобинцы величественны и спокойны, как будто» в пушках нет пороха; они хотят встретить их громом и молнией общественного мнения. Колло д'Эрбуа говорил в национальном собрании за Петиона, как римлянин. Все секции, все объединения, весь народ кричал и кричит еще: верните нам Петиона, это человек добра, добродетельный человек, выданный по проискам врагов. А один дурак из партии фейянов говорит, что нам всем заплатили за то, чтобы мы кричали в общем хоре. Потребовалось бы золото Пактола, чтобы достичь этого. Глупцы, простофили с вашим желтым дерьмом! Они воображают, что это грязное орудие двигает всех на свете. Неужели же и мне заплатили, мне, чтобы кричать: «Да здравствует Петион!» Для партии благонамеренных золото - ничто, а общественный интерес - все.

М-м Жюльен - сыну

Париж, 18 июля 1792 г.

...Одна община решила бесплатно обработать поля всех тех жителей, которые ушли на войну и приняла, таким образом, на себя обязательство работать на вдов и сирот. Моя женская логика желала бы извлечь из этого маленького происшествия большой аргумент в честь человечества. Добродетель скрывается под сложенной крышей, а порок часто живет во дворце. Здесь, в этом мире приходится сто хижин на один дворец; соотношение добродетели к пороку было бы, таким образом, как сто к одному. Сделай из этого геометрическую пропорцию и философское заключение, и ты увидишь, мой сын, что мы, применяя к каждому индивидууму одинаковое мерило и оценивая его по его внутреннему содержанию, должны придти в нашей равнине к заключению, что в самом деле здесь существует больше добродетели, нежели порока...

М-м Жюльен - мужу

Париж, 23 июля 1792 г.

Итак, ты не хочешь, чтобы я говорила тебе о политике? Это, по правде сказать, большое препятствие, так как я не занималась, кроме этого, ничем другим, и общественный интерес до такой степени становится личным, что нельзя удержаться и не носить его в сердце, как нечто такое, что составляет наше счастье и нашу жизнь.

Я благословляю провидение за то, что наш милый сын вдали от нас, оно устроило, что это удаление произошло в то время, когда в этом не было ничего предосудительного; в настоящее время, это было бы невозможно. Все молодые люди поступают под знамена; я вчера видела более 200 в свите одного из делегатов, они призывались в секции Гобелен; и оба эти дня, предназначенные для приема новобранцев, увидят весь молодой Париж под знаменами Марса. Так как ты о политике хочешь читать только по газетам, то я даю сигнал к отступлению и хочу попробовать поговорить о погоде...

М-м Жюльен - сыну

Париж, 8 августа 1792 г.

На горизонте сгущаются в настоящее время облака, которые должны вызвать ужасный взрыв. За облаком таится гроза: куда она ударит?

Национальное собрание кажется мне слишком слабым, чтобы поддержать народную волю, а народ кажется мне слишком сильным, чтобы дать себя обуздать собранию. Из этого конфликта, из этой битвы должно вылиться какое-нибудь событие: свобода или рабство 25 миллионов людей. Мое живое сочувствие в связи с жаждой деятельности увлекали меня часто в национальное собрание, к якобинцам, в общественные места, где находят отклик все вопросы дня.

В этих различных местах, как мне кажется, я сделала такие важные наблюдения, что, думается мне, я пророчески предвижу будущее. Патриотическая партия победит; но неизбежно, к сожалению, и то, что их лавры в ближайшем будущем оросятся кровью. Низложение короля, которого требует большинство, и которое отклоняется господствующим в национальном собрании меньшинством, вызовет ужасное столкновение, к которому партии уже готовятся. У сената не хватит смелости объявить низложение, а народ не трус, чтобы терпеть презрение, которому подвергается общественное мнение. Армии, находящееся в руках предателей рождает гордость и надежду у наших врагов, а от армии придет наше опасение. Солдаты свободы больше не могут быть спутниками и мстителями деспотов.

Суди, таким образом, о неисчислимой сумме событий, которые должны произойти из этого хаоса и скажи мне, мой друг, может ли женщина, или дитя, беззаветно преданные добродетели и настолько вездесущие, что они находятся в курсе всех последних новостей, не подвергаться добровольно опасности? Я могла бы прекрасно оставаться дома, я могла бы удалиться в одиночество, в деревню, все это совершенно справедливо и хорошо, но у меня имеется определенное любопытство, источник которого находится в моем сердце, и которое властно направляет мои шаги туда, где зачастую грозит опасность. Секрет мудрецов заключается в совершенном познании самого себя: вот, теперь ты увидишь меня. Мне легче бежать, чем оказывать сопротивление. Я тысячу раз говорила себе, что это возбуждающее зрелище борьбы страстей, которые так сильны в настоящее время и так бурны, не годятся для нежной и молодой души моего Августа; мой разум подсказал мне по этому поводу все, что мог бы только сказать Ментор; и снова, и снова, попадаюсь я в ту же ловушку, большой интерес к политике гонит меня к очагу политики, и мы там принимаем такое горячее участие в этом деле, что возвращаемся домой с истощенной от утомления душой и, зачастую с кипящим от страстей сердцем, но с желанием пережить завтра продолжение того, что сегодня началось.

Сегодня я не была в национальном собрании. Там произошел большой переполох. Комитет докладывал о Лафайете и закончил обвинительным актом против него. Прения носили бурный характер, и поименное голосование было в его пользу. Ты себе можешь представить разочарование друзей свободы. Это готовит им другое поражение, позор коего, я уверена, падет на них. Но все это ведет к катастрофе, перед которой трепещут друзья гуманности; ибо кровь потечет ручьями, я не преувеличиваю, так как совещание, вследствие своей важности, требует медленного образа действий; я считаю, что пройдет еще две недели, пока не разразится ужасный удар, который определит по меньшей мере на известный период судьбу государства. Мы находимся в кризисе, который ужаснее, чем все предшествующие; но нельзя быть настолько неблагодарным, чтобы забыть все те чудеса, которые свершило для нас небо с течением этих четырех лет. Провидение прикрывает нас своими крыльями, и горе тем, кто не уповает на него!..

М-м Жюльен - мужу

Париж, 9 августа 1792 г.

Раздается набат, барабаны бьют генерал-марш, тревога по всему Парижу. Улицы полны народа, и женщины стоят у окон и испуганно обращаются с расспросами к прохожим. Что будет? Фантазия представляет себе громадное восьмьсоттысячное население столицы, предоставленное всяким страхам. Сюда надо прибавить еще темный покров ночи и страшные сигналы ужаса. Смерть не имеет для меня ничего более пронизывающего, как это чувство глубочайшей скорби, наполняющей мою душу.

Пятница, 7 час. утра (10 августа)

Благодарение небу, гроза пронеслась, не поразив никого, и дневные лучи прогнали ужасную гримасу ночи. С пяти часов утра я обхожу свою часть города: все это было ничто иное, как ложная тревога, и никто не знает, в чем кроется настоящая Причина всего этого...

...Я была всю ночь на ногах и теперь сплю. Я должна сказать тебе, что мы весьма недовольны национальным собранием. Оно проявляет вялость, которая приведет нас к гибели, если не поднимется еще раз весь народ и департаменты для оказания поддержки столице...

...Барабаны все еще гремят; я на самом деле рада, что так великодушно согласилась отложить пока возвращение Вашего брата. Небо никогда не оставляет доброе дело без награды. Во всяком случае, Вы не можете знать всех наших забот, и во всех отношениях Вам лучше, чем нам.

Государственные дела являются моими сердечными делами; я и не чувствую и во сне не вижу ничего иного. В унижении нашей партии я усматриваю бездну зла. Ваши особые интересы тесно связаны с общими, равно, как и вообще интересы всех других. Мужайтесь, помогайте себе сами! В единении департаментов заключается благо Франции. Двор будет с нами, пока он гадов не погубит. По его указке король проповедует конституцию, как аббат Мари проповедовал закон божий, в душе своей издеваясь над ним. Я не настолько дерзка, чтобы считать себя способной разрешить этот великий вопрос. Но вот Вам изречение аббата Мари, которое я применяю к этому вопросу: «Кто добивается цели, не должен брезговать средствами».

Будьте здоровы, я хочу немножко пробежаться. Когда живешь в такое интересное критическое время, нет ничего неестественного в том, что под ногами горит почва, тем более, если не страдаешь трусостью и эгоизмом, которым в такой душе, как моя, нет места. Я осторожна, это все, что я могу сделать.

В национальном собрании я не была уже с понедельника, когда я слушала великолепную, петицию Марсова поля, о которой докладывал не то Демосфен, не то Цицерон, но факт тот, что оратор стоял на высоте своего назначения. Сегодня весь Париж будет там. Вчера наши глупые депутаты вносили жалобы. Господа неприкосновенные требуют уважения, и мы намерены оказывать им уважение под условием, что и они будут обходительны и возьмут пример с Кобленца; ибо их нужно видеть и слышать, чтобы правильно судить о них.

Я горю от нетерпения, чтобы иметь, наконец, возможность сказать Вам: Подумайте только, все спокойно; но Мартовские иды еще не минули. Будьте здоровы.

М-м Жюльен - мужу

Париж, 10 августа 1792 г.

День крови, день насилия и все же день победы, орошенный нашими слезами; слушайте и трепещите!

Ночь прошла без всяких событий. Великий вопрос, поставленный на карту, должен был привлечь много городских и «крестных жителей; поэтому в Тюильри было сосредоточено много национальных гвардейцев. Караул национального собрания также был усилен тройной стражей. Король принял в шесть часов утра у Разводного моста парад швейцарцев. В восемь часов он отбыл в национальное собрание. Марсельцы братались с парижской гвардией. Слышались крики: «Да здравствует король!» В предместьях нация кричала: «Да здравствует нация!»

Вдруг все окна во дворце разом занимают швейцарцами, которые совершенно неожиданно дают залп по национальным гвардейцам. Ворота дворца раскрываются, за ними зияют жерла пушек, которые выпускают весь свой заряд в народ. Швейцарцы удваиваются в числе. У национальных гвардейцев боевых припасов оказалось вряд ли больше, чем на два залпа; среди них масса раненых; народ бежит; затем все собираются в ярости и в отчаянии. Марсельцы все настоящие герои, совершающие чудеса храбрости. Происходит штурм дворца. Небесная справедливость очищает все пути, и швейцарцы расплачиваются за низкое предательство, орудиями коего они являются, самой разнообразной смертью. Вся королевская семья, игрушка в руках кровожадной камарильи, улучив удобный момент, бежала в национальное собрание. Их приютили на трибуне логографов, где они находятся и по сей час. Не появилась ни одна газета, я не слышала ни одного слова о национальном собрании и, неслыханная вещь, оно, быть может, сегодня было спокойнее, чех в какое-либо другое время своего существования.

Сегодня, 10 августа, должна была разразиться в Париже контрреволюция. Неразумные, как всегда, наши противники считали, что подкуп некоторых вождей национальной гвардии при поддержке роялистов со своими швейцарцами и всех лакеев Тюильри сделает свое дело и нагонит ужас на безоружных санкюлотов. Они раздавлены, счастье повернулось; и менее чем в два часа взят штурмом Лувр, и победа одержана. Набат, генерал-марш, тысячи возвещающих несчастье криков: «К оружию! К оружию!» Раздаются по всему Парижу. Магазины закрываются, женщины и дети скрываются, ничто не в состоянии описать то отчаяние и смятение, в котором мы находились.

Коммуна совершила отличную работу; я не могу сообщить Вам деталей. Очистившись одним ударом от своего аристократического яда, она организовалась, независимо от департаментских властей; она распределила оружие и припасы и оказывала поддержку выступлению граждан, которых до того объединило предательство, что кавалерия, гренадеры, охотники, санкюлоты теперь братья, служащие одному и тому же общественному делу. Пики и штыки заключили сегодня искреннейший и самый могущественный союз. Сегодня вечером все офицеры будут раскассированы, и с полудня Сантерр является главнокомандующим национальной гвардией. Манюэль и Дантон взяли в свои руки гражданскую власть.

Петион невинен с головы до пят, но слушайте и дрожите: король вчера в полночь призвал его во дворец, в пять часов утра он еще не возвращался. Коммуна, полная беспокойства, поспешила в сенат и добилась распоряжения о выдаче высшего чиновника народа. Он выходит в сопровождении молодцов-бретонцев: его ведут в ратушу, где Манюэль осыпает его резкими упреками за то, что он дал удержать себя вдали от своего поста, и по постановлению коммуны он налагает на него домашний арест, под охраной тех же храбрых бретонцев (говорят, что эта мера была применена, чтобы спасти его от смерти и оградить его от ответственности). Одним словом, его в тот день заперли. Утверждают, что его голова должна была быть сброшена в народ при первом залпе швейцарцев.

Народ разгромил все во дворце. Он растоптал под ногами всю помпу королей. Драгоценнейшие сокровища летели через окна; казармы швейцарцев были зажжены со всех четырех углов, раздавались крики с призывом сравнять дворец с землей. Головы отрубались, и дело дошло до приступов народной ярости, жестокость которых должна казаться тем, которые не умеют вникнуть в суть дела, отвратительнее утонченного цивилизованного разврата придворной клики, которая ради настроения метрессы или своеволия интригана, обращает в прах целые поколения.

Французский народ победил в Париже Австрию и Пруссию. Этот день, который по словам двух или трех аристократов, которых я навестила в их погребу, должен был как бы на крыльях унести их в Тюильри, отдаляет их от него на 10000 миль. Они говорили также, что это послужит сигналом к гражданской войне, а я считаю, что мы потушили сегодня факел, который должен был воспламенить ее.

Людовик XVI фактически низложен; он допустил, что его приближенные вооружились против его народа, он больше сделал: он стрелял в него! Читайте конституцию...

Коммуна распорядилась о выдаче ей писем только что прибывшего курьера.

Самое неожиданное обстоятельство то, что к полудню уже закончилась эта жестокая война, и снова стало безопасно, мало того, воцарилось веселье. По улицам бежали женщины с плачем и причитаниями, ибо каждая из них ожидала и боялась, жестокой утраты. К двум часам возвращалось много войска с трофеями: оружием, лоскутами, которые они насадили на свои штыки, обломками, оставшимися от швейцарцев и т.д. Марион добралась до двора Карусель, где она видела, как уносили много покойников, остатки, быть может, нескольких тысяч. Число павших еще не установлено. Она говорила мне, что улицы полны женщин; никогда еще она не видала большее количество людей.

Я тоже ходила все время после обеда с Августом; но мы не проникали дальше мэрии и дворца; нужно было повсюду пробираться через толпу, и это послужило мне препятствием для дальнейшего продвижения. По дороге я узнала подробности о залпе швейцарцев, который являлся до того предательским и неожиданным, что моментально пробудил льва и объединил все партии. Никким образом этот залп не был спровоцирован, и весь Париж подтвердит правильность сего. Я буду ночью спать при открытых дверях в то время, как все имущие в столице в ожидании разбойников закроют свои двери на двойной запор. Разбойники! Это теперь их конек, и многие будут завтра очень удивлены, что они еще живы, ведь эти неукротенные еще законом каналы сегодня вечером должны броситься на них и на их сокровища.

Париж иллюминирован, и патрули ходят по улицам, как и в 89 году. Царствует глубочайшее спокойствие, и охранный полиция развивает такую деятельность, что можно спокойно спать. С вечера до одиннадцати часов ночи продавались газеты; я не могла получить ни одной. Я вчера была на ногах до полуночи, и душа моя устала и утомлена от того сильного возбуждения, которое я пережила за последние сутки.

Теперь полночь; барабанный бой заставил меня встать с постели; на улицах объявляется декрет национального собрания в 15 или 20 статьях. Его прочли у ворот площади улицы Сен-Жак; я поняла только отдельные слова, но из бурных оваций, которыми он был встречен, я заключаю, что манифест хороший. Молодцы марсельцы, вам предстоит сделать Францию свободной! Эти храбрые мученики свободы пали первыми, так как они стояли в первых рядах.

Низложение короля, возвращение к власти прежних министров, название офицеров, предавших вчера своих солдат, что повело к гибели 15000 человек, созыв первичных выборных собраний - таковы результаты работы национального собрания: воля общественного мнения, освещенная декретами.

Король находится в Люксембурге, где он охраняется народом. Происходили и ужасные, и достойные удивления вещи. Бедные санкюлоты приносили коммуне все сокровища, которые они отвоевали, они повесили 120 воров, приметавшихся к ним. Некоторое число предателей, их насчитывают что-то около 100 человек, пали жертвой страсти и ярости народа. В общем и целом: мы имеем вторую революцию, которая может, праздновать этот день, подобно «дню одурачения» [«Journée des Dupes» называется 11 Ноября 1630 г., когда Ришелье надул Марию Медичи], так как это тот день, на который было назначено контрреволюционное выступление и потому еще, что на следующий день все якобинцы в королевстве должны были бы плавать в своей крови.

М-м Жюльен - мужу

Париж, 15 августа 1792 г.

...Снисходительное отношение и половинчатые мероприятия, являющиеся одинаково роковыми как для наших врагов, так и для нас, заставляют меня трепетать.

Сегодня по соображениям гуманности надо действовать по-варварски и отрезать больной член для того, чтобы спасти общее дело. Все это весьма опасно. Говорят, что Шарль Ламет арестован своими же собственными солдатами...

...У меня такое чувство, как будто за четыре дня я пережила целое столетие; и, не получая от Вас и Юлия за это время известии, я опечалена и беспокойна; хотя избегнутое нами зло и утешает меня в тех несчастьях, от которых мы не сумеем оградиться, но во мне осталось глубоко болезненное впечатление; при сознании того, чем нам грозит наше положение, и что минимальные преимущества этого положения могут ухудшиться, я испытываю такой страх, что я еле жива...

М-м Жюльен - сыну

Париж, 18 августа 1792 г.

...Король со своей семьей находится в Тамиле. Я говорила с одним комендантом, который нес там в течение 24-х часов дежурство. Право, эти коронованные люди по природе своей устроены иначе, чем мы. Они бездушны; их стол, их сон - ничто не изменилось; они играют в трик-трак, и в несчастьи, наполняющем нас ужасом, они, очевидно, не думают об этом. Они находятся под хорошей охраной, но и хорошо обслуживаются. М-м де Ламбаль, м-м де Турзель, м-м Бабэ [уменьшит. от Елизавета – Бабетта, сестра Людовика], дочь короля, маленький принц, м-м Тибо, камер-фрау и другие слуги, все гнездо всегда вместе. Два муниципальных офицера сторожат постель королевской четы, которая домогалась того, чтобы залить Францию морем крови, и в глазах которых еще читаешь надежду на отпущение.

Мой милый, я со своей стороны, начиная с пятницы, не была в состоянии хорошенько поесть и поспать. Моя душа подавлена бременем печали. Последствия всего этого, которые могут быть ужасны, щемят мне сердце...

М-м Жюльен - сыну

Париж, 21 августа 1792 г.

...С 10-го мы спокойны, словно ничего не случилось. Времена междуцарствия дают нам мгновения, полные покоя. С торговлей дело обстоит блестяще; Париж кишит приезжими; никто не уезжает, так что население многочисленнее, чем когда-либо. Все здесь вооружено. Коммуна, секции, сенат блаженствуют в наилучшей гармонии. Якобинцы находятся повсюду, только не в своем клубе, ибо эти истые граждане не поставлены больше в необходимость держаться друг друга с тех пор, как каждый находится на подобающем ему месте. Их заседания в настоящее время пустуют, и так же обстоит дело с прочими организациями, находящимися в том же положении. Все высшие офицеры заменены новыми.

Вчера была я в мэрии. Боже, до чего любезен и весел француз! Повсюду он сеет розы. На сей раз там были федералисты из 83 департаментов с баскскими скрипками; они танцевали Перигорские танцы, буррэ, иностранные танцы с грацией, легкостью и весельем, которые были восхитительны: кажется, они только что прибыли и праздновали свое прибытие в столицу; все они представляли собой такую разношерстную массу, что не оставляли сомнений в том, что они прибыли из отдаленнейших краев государства.

Мой хороший, милый, если бы ты увидал Париж, и тебе дали бы исторический пересказ событий 10-го, ты бы поклялся, что это ложь, при виде того царящего повсюду явного сердечного согласия и особенно при виде льющегося потока людей, которые движутся, приходят и уходят с чисто французской подвижностью и необузданностью. Только разве мужчины подняли выше головы и выглядят серьезнее, особенно из простонародья. Не существует больше чрезвычайных патрулей, ничто не предвещает волнений; никогда еще не было видно так мало групп; словом, лучше всего будет, если ты адресуешь свое следующее письмо куда-нибудь на улицу, ибо я нахожу такое удовольствие в изучении общественного духа, что весь день провожу на улицах. Расскажи м-м П., что в субботу я гуляла по набережной от национального собрания до арсенала с твоим маленьким братцем, который радовался всему и очень услужлив. Я имею вид неопытной мамы, ведущей на прогулку свое избалованное дитя.

Я очень оплакивала и оплакиваю еще сейчас наших мучеников свободы, даже швейцарцев; их угощали деньгами, мясом и вином и рассказывали им баснословные ужасы. Великими виновниками являются те люди, которые были инициаторами этих преступлений.

М-м Жюльен - мужу

Париж, 2 сентября 1792 г.

Кто добивается цели, тот не должен пренебрегать и средствами; никакой варварской гуманности! Народ восстал, ужасный в своей ярости, народ мстит за преступления трех лет, полных самого трусливого предательства. О милый друг! Я спешу в твои объятия чтобы пролить поток слез; но прежде всего я кричу тебе: Франция спасена! Эти слезы проливаю я над участью наших несчастных братьев-патриотов, павших под мечом пруссаков. Верден осажден и сможет продержаться еще только два дня. Радость наших диких аристократов резко выделяется на фоне нашей глубокой скорби. Слушай, трепещи! Пушка около полудня бьет тревогу, гудит колокол набата, барабаны бьют генерал-марш. Улицы в постоянном движении. Критическое положение достигло своего апогея; патетические прокламации городского управления обратили внимание народа на один пункт и тронули его сердце: «Спешите на помощь вашим братьям! К оружию; к оружию!» Всяк спешит, бежит. Короче говоря, сегодня вечером выступает 40000 человек, которые хотят броситься на пруссаков, будь то под Верденом или еще дальше, если они продвинутся вперед. Боевое воодушевление, охватившее парижан, является чудом; отцы семейств, простые граждане, войска, санкюлоты, все берутся за оружие. Народ сказал: Мы оставляем дома наших жен, наших детей среди наших врагов, очистим сначала от них почву свободы. Друг мой, я опускаю здесь покрывало над преступлением, которое народ принужден был совершить из-за вины тех, печальной жертвой которых он является в течение трех лет. Раскрывающиеся со всех сторон грязнейшие покушения бросают самый гнусный свет и дают несомненную уверенность в судьбе, которая ожидает патриотов и грозит им; и если они не подготовят гибели, то погибнут сами. Дикая необходимость, злополучное дело наших врагов! Отрубленные головы, зарубленные священнослужители. Я не могу представить тебе отчет об этом, несмотря на то, что разум хочет убедить меня и твердит мне: пруссаки и король сделали бы то же самое и в тысячу раз хуже! Великий народ - о, злополучный народ, пусть не осмелятся клеветать на тебя!..

...Я охвачена страхом, ужасом, я не знаю, что должна я переживать. Выслушай подробности, которые передают мне возвращающиеся с работ шесть каменщиков. Батальон людей из народа, под впечатлением грозящей опасности, как бы в случае удачи заговора или приближения пруссаков все заключенные в тюрьмах злодеи не набросились на нас. избрал судей в качестве своих проводников и обходил с ними тюрьмы. Были рассмотрены все списки заключенных, были убиты все воры и фальшивомонетчики; были отпущены находившиеся под уголовным арестом, были освобождены заключенные за озорство: молодые люди, арестованные за легкомысленные поступки, включались в отряд. Таким образом, были очищены все тюрьмы. даже тюрьма Бисетр, где еще не все закончено. Национальная жандармерия и прочие войска говорили гражданам: «Товарищи, мы оставляем вам наших жен, наших детей; защищайте их от внутренних врагов, которые могут их убить в то время, как мы будем вдали, чтобы побороть наших врагов». Эта новая экзекуция ужасного и варварского правосудия свершилась, как говорят, с необычайным спокойствием. Много священников пало жертвой народной мести. Эти каменщики видели у тюремных ворот горы трупов. Мое глубокое человеческое чувство заставляет меня проливать слезы по поводу судьбы, бросающей в одну кучу виновных и несчастных невинных. Боже мой! Имей сострадание к народу, которого до того раздражили, что он вступил на путь крови; прости его...

Друг мой, душа моя подавлена. Пруссак лишь второстепенная причина стольких жестокостей, вызванных чувством раздражения и ужаса, за их несправедливое нападение и вторжение, они будут уничтожены, хотя бы их было даже 100000. С каким ужасающим жаром наши храбрые добровольцы покинули Париж! Они решили или умереть, или вернуться победителями.

Будь здоров, мой друг, наши каменщики, из которых один был свидетелем всего, рассказал нам все это со своего рода невинностью и с искренним сожалением, что народ для спасения самого себя от всех своих врагов, от предателей и заговорщиков был принужден зайти так далеко и сам должен был искать себе правосудия.

М-м Жюльен - мужу

Париж, 6 сентября 1792 г.

Патриотизм достиг своего победного апогея, призывы новобранцев, отправка их придают столице новую жизнь, торговля так оживлена, что купцы снова должны были бы стать патриотами. Веселие и безопасность маршируют в такт барабанов. Встречаются одни только федералисты, кроме военной музыки ничего не слышно. Улицы запружены этим громадным населением, которое всегда производит впечатление, что весь свет сошелся в Париже, и отовсюду раздаются громкие крики: Да здравствует нация! Мы не похожи на народ, находящийся под угрозой, или даже на павший духом народ, но походим на большую, дружную и веселую семью. Тот, кто имеет другое представление о столице, не знает французе». Над картинами ужаса распростерто покрывало. Раскрытие адских махинаций убивает сожаление. Бели бы народ не очистив землю от находившихся в тюрьмах мерзавцев, то они пропитали бы землю кровью народа. Были обнаружены оружие, деньги и все доказательства подлого заговора, который в ночь с 5 на 6 сентября должен был стереть с лица земли всех патриотов. Если бы Петион и Манюэль не напали бы на след, то обстоятельства не приняли бы такой мрачной формы и не дошли бы до такой ужасной крайности; но при необходимой и справедливой защите оправдывается все. Можно да поверить? Наши враги все еще плетут сети заговора; не успеет порваться одна нить, как завивается другая; они проектируют последний отчаянный удар; они ожидают своих милых пруссаков. Непонятно, что мы получаем с театра военных действий только неопределенные сведения. Половина населения Парижа утверждает, что Верден пал, другая остается при мнении, что эта твердыня держится крепко.

И оба генерала, наконец, ни слова не говорят об этом в своих депешах Сервану. которые сегодня были обнародованы. Если верить слухам, то Шампань и Бургунд мобилизуют больше 50000 человек. Один Париж дает столько же. Предполагают, что наши войска обойдут наступательную армию с одной стороны, в то время как вновь мобилизованные образуют кольцо вокруг нее с другой, так что австрийцы и пруссаки окажутся между двух огней и не сумеют ускользнуть. Там готовится нечто ужасное. Менее, чем в недельный срок, решится навсегда наша участь, Я переживаю столь мучительное ожидание и испытываю такой страх перед голодом в наших бесчисленных армиях, что я желала бы, чтобы победа была взята с бою...

...На приемных пунктах сыплют золото, серебро, ассигнации; короче говоря, реки потекут обратно, если нам суждено погибнуть. Мне недостает красок, чтобы описать тот благородный пыл, которым воспламенены наши патриотические войска. Моя кисть не в состоянии изобразить то волнующее и неожиданное зрелище, которое представляет собой столица. Я была в коммуне, в национальном собрании, во дворце; спокойствие и волнение образуют такой красивый контраст, что все время хочется быть в общественных местах и восхищаться им. Товарищи, братья, только и слышишь эти славные обращения; и благодетельное равенство сближает и раскрывает все сердца. Глупцы фейяны думают, по своей наивности, что народ хочет их сожрать. Так как все они находятся в заговоре против народа со своей варварской умеренностью, и так как на лиц, подписавших петицию против Петиона, смотрят теперь очень косо, они боятся. К. и Б. имеют глупость поступать подобно тирану Дионисию: никто не знает, где они ночуют; в этом заключается их последнее оскорбление по отношению к народу, который едва ли думает о них. И все же деспотизм воспользовался этим нелепым орудием для своих целей; и те же самые люди, которые теперь с ужасом глядят на образ действия народа, в свое время одобрили бы, чтобы 30000 якобинцев пали жертвой правосудия, находившегося в руках судей-наемников придворной камарильи. Они сказали бы своему господину: «Великий государь, ты окажешь им честь, если сожрешь их». Что же касается судей, то они сказали бы, что действовали согласно конституции и исполняли закон. Якобинцы были злодеи, они желали, чтобы миром правили право и разум, и чтобы права человека не были бы пустым звуком. Судите же об их преступлении. Кстати я вспоминаю, что якобинцев больше не существует, и это общество, члены коего повсюду проявляют деятельность, не образуют больше корпорации. Существует теперь только одно объединение - французская республика, и не на долю якобинцев выпала слава провозгласить ее, она обязана своим существованием реву наших врагов.

Если ход событий снова примет спокойную форму, как обещает нам сегодня наш славный мэр, то я реже буду пользоваться своим пером; у меня свои каменщики, которые каждое утро приносят мне новости о событиях ночи. Среди них имеется один, который был повсюду, но не принимал никакого участия в кровавых происшествиях; ибо он полон гуманности и здравого человеческого смысла. Если бы я захотела подсчитать результаты, получившиеся от всех этих жестокостей по приведенным им данным, то я должна была бы сказать тебе, что количественная разница жертв относится как 1 к 1000, а в отношении качества оставался выбор между приговоренным к повешению за убийство лицом и между Петионом, Робеспьером, Дюбуа де Крансе, Манюэлем, тобой, мной, нашими детьми и всеми теми, которые чтят здравые принципы справедливости, философии и гуманности.

Достоверно то, что Париж спасен. Ворота снова открыты. Трусливый элемент рассыпался по ветру; я со своей стороны остаюсь на своем посту, пока не узнаю о твоём и моего сына назначениях [Жюльен отец должен был быть избран в конвент, Жюльен-сын должен был поступить на службу республике; это и случилось]. Трусость и эгоизм атакующих нас всегда приводили к тому, что я не теряла мужества. Несмотря на это, я в течение этих последних восьми дней умирала тысячью смертей, не могла ни есть, ни спать.

Заговорщики были наняты придворной кликой. Доказательства этого совершенно ясны, даже для тупиц; мы давно уже догадывались об этом. В этом списке значится много депутатов, которых я не хочу называть, но народ знает их. В данную минуту этим бесчестным представителям народа нечего опасаться. Уважение народа к национальному собранию доходит до идолопоклонства,

М-м Жюльен - сыну

Париж, 24 октября 1792 г.

В течение тех полутора месяцев, за которые нет писем м-м Жюльен, произошли большие события: собрался конвент, выявилось великое противоречие между жирондистами и горой; и прежде всего Вальми принесло революции военную победу; положение Франции и Европы изменилось.

Я хочу говорить о политике; при одной этой мысли душа моя тускнеет. Я вижу республику без республиканцев. Я не могу никого найти себе по душе, разве только в будущем поколении, которое пока только еще пускает ростки, или начинает распускаться. Я льщу себя надеждой, что тогда разовьются добродетели, которых я ожидаю. Но пока что, мой сын, какие только страдания должны мы будем претерпеть от всеобщей продажности - помехи всему, мы, которые уже в самом начале были вознесены на гребень революции, благодаря любви к гуманности и надежде на исправление человечества. Однако уже теперь свершился такой перелом в наших нравах и воззрениях, что добро и зло уравнивают друг друга...

Жюльен-старший - сыну

Париж, 15 декабря 1792 г. Год I Республики.

...Милый мой, я слишком желаю твоего счастья, чтобы желать тебе известности. Я думаю, что никогда ее не достигнешь, не заплатив слишком дорого за нее. Ты скажешь мне, что желаешь достичь славы только путем добродетели. Я знаю это, сын мой, но и добродетелей честного человека достаточно для нравственности, они образуют самую надежную основу нашего счастья. Я убедился в этом, благодаря своему опыту, и желал бы? чтобы он не был потерян для тебя. Твое теплое рвение создавать сторонников системы равенства, без сомнения, весьма похвально, но оно может послужить на гибель, если ты не научишься умерять свой пыл. Кто со слишком большим рвением работает на благо человечества, слишком часто достигает только несчастья. Дело идет о том, чтобы познать людей своего века, а не желать обращения рабов цезаря в Катонов. Наши современники слишком развращены, и я сомневаюсь, возможно ли будет когда-либо сделать из них истых республиканцев. Несмотря на это, все же необходимо работать в этом направлении, но с мудрой осторожностью. Не иди никогда слишком далеко, взвесь силу предрассудков прежде, чем ты начнешь борьбу с ними, и не нападай на них непосредственно, если ты не можешь надеяться на полную победу. Великое недоразумение (и оно, быть может, неустранимо) нашего общественного положения кроется в противоестественном неравенстве имущественных соотношений. Имущие хорошо понимают, что такое положение в демократической республике не может быть длительным; и вот тебе причина, почему их эгоизм так сильно возбуждается против правительственной системы, которая раньше, или позже должна будет лишить их части их имущества. Они не могут не понимать, что работающий и беднейший класс является самым многочисленным и, таким образом, должен будет в значительной части принимать участие в осуществлении суверенитета, и что они используют это для исправления своей доли. Если бы все владеющие большим, чем самое необходимое, были бы справедливыми и благонамеренными гражданами, то они поторопились бы принести жертвы в пользу своих нуждающихся собратьев и, таким образом, предотвратили бы большое несчастье.

Но вот здесь то мы и имеем подводный камень современной философии. Правда, она выставила равенство прав; но она хочет сохранить чудовищное имущественное неравенство, которое выдает бедняка на милость имущих и делает этих последних судьями над всеми его правами, потому что он может отнять у них право на существование. Но так не будет, иначе снова появится тирания. Ради сохранения республики необходимо обеспечить беднейшим гражданам беззаботную жизнь за их труд; и чтобы те, которые не в состоянии работать, находились на иждивении общества. О, мой друг! Сколько страданий предстоит нам претерпеть, пока мы достигнем всего этого! Все те, которые пожелают стать защитниками бедных, будут иметь своими смертельными врагами имущих и подвергнутся большой опасности пасть их жертвой; ибо имущие имеют то преимущество, что они вооружают нуждающуюся массу против самой себя и могут довести ее, таким образом, до убийства своих же вернейших друзей. Для этого требуется только скупить зерно и затем метать гром и молнию против агитаторов. Разве в настоящую минуту, мой милый, я не вызываю отвращение со стороны несчастных крестьян своего кантона, которым наговорили, будто я внес в национальный конвент предложение о срубке всех тутовых деревьев? Злонамеренные люди позволяют себе все, а темная масса верит всему...

М-м Жюльен - сыну

Париж, 20 января, год I республики.

Твой папа вернулся домой сегодня ночью в три часа [из заседания конвента, на котором было принято решение о приведении в исполнение приговора над королем]. Оторочка была отклонена, и постановление гласило, что казнь должна быть совершена в течение 24 часов, и исполнительному комитету поручалось проследить за выполнением формальностей.

Общественное мнение так сильно, так, откровенно, так могущественно, так господствует над всем, что в Париже царит величественное спокойствие: ни одного протеста, ни одной жалобы.

М-м Жюльен - сыну

Париж, май, 1793 г.

Дело идет о благе 25 миллионов людей и, быть может, о счастье всего человечества. Определенные патриоты образуют группировки, которые борются друг с другом и производят раскол в партии, объединенных сил которой едва достаточно, чтобы победить гидру контрреволюции. Будь народ добродетелен и тверд, Робеспьер и Бриссо принесли бы в жертву свои личные распри, чтобы посвятить себя всеобщему благу. Фемистокл и Аристид, а также двое знаменитых римлян дают им в этом великолепный пример. Законодатель, представитель великого народа, настоящий человек общественного дела, не занимается интригами; он не создает креатур, не торгует должностями; он домогается почета только путем добродетели. Для него личность не существует, его действия диктуются исключительно общими интересами; ради них он жертвует всеми своими страстями. Если его смертельный враг способен на сотрудничество с ним в этом, то он должен заключить его в свои объятия и лично вынести его на поле битвы, чтобы благородно обсудить средства, необходимые для общего блага. Они расходятся в своих убеждениях, но не в своих чувствах; оба они стремятся к счастью и благоденствию великого народа.

СВИДЕТЕЛИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Из переписки семьи Жюльен

Ландауэр Г. Письма о французской революции

Vive Liberta и Век Просвещения 2004

Что за пятно на именах, которых мы с гордостью причисляли к нашим освободителям! У них имеются приверженцы, которые вносят раздор в храм свободы. В выборном собрании, где господствует суверенная власть народа, люди говорят друг другу: сегодня партия Бриссо одержала верх; завтра черед Робеспьера. Народ интриганов, подготавливая триумф твоим врагам! Лишь добродетель могла бы их победить, а она, как видно, представляет собой самое хрупкое твое орудие! Коварство, противоестественные союзы, склока - вот твои средства! Бриссо и Робеспьер, если вы вносите свою ненависть и свои споры в национальное собрание, которое должно решить нашу судьбу, можем ли мы включить вас в число благородных защитников народа? Спасите нас, спасите себя! Одна только дорога открыта и верна, это объединение патриотов и великодушное забвение всяких интересов. Гордость государственного человека должна быть выше и благороднее занимаемого им поста. Он отождествляет себя с общественным делом, и все, что не может повредить этому делу, не должно его трогать. Самолюбие законодателя должно находиться под щитом, не поддающимся ударам. Руссо говорит, что для управления людьми нужны боги; я же говорю, что нужны только люди, чтобы править французами, ибо этот великодушный народ, научившийся многому в беде, и гордый тем, что сбросил с себя державшие его в позорном рабстве цепи, не желает ничего большего для счастливой жизни, как только мудрые затоны. Справедливость, свобода и равенство, все, что возникает из этих священных основ, будет бессмертно, как само божество, от которого исходят его добродетели.